

ЛМ
В 51

Изд-во жур. „Народный Учитель“
Москва, Тверская заст., Царский, 4. Телеф. 3-65-19.

ЛМ
В 51

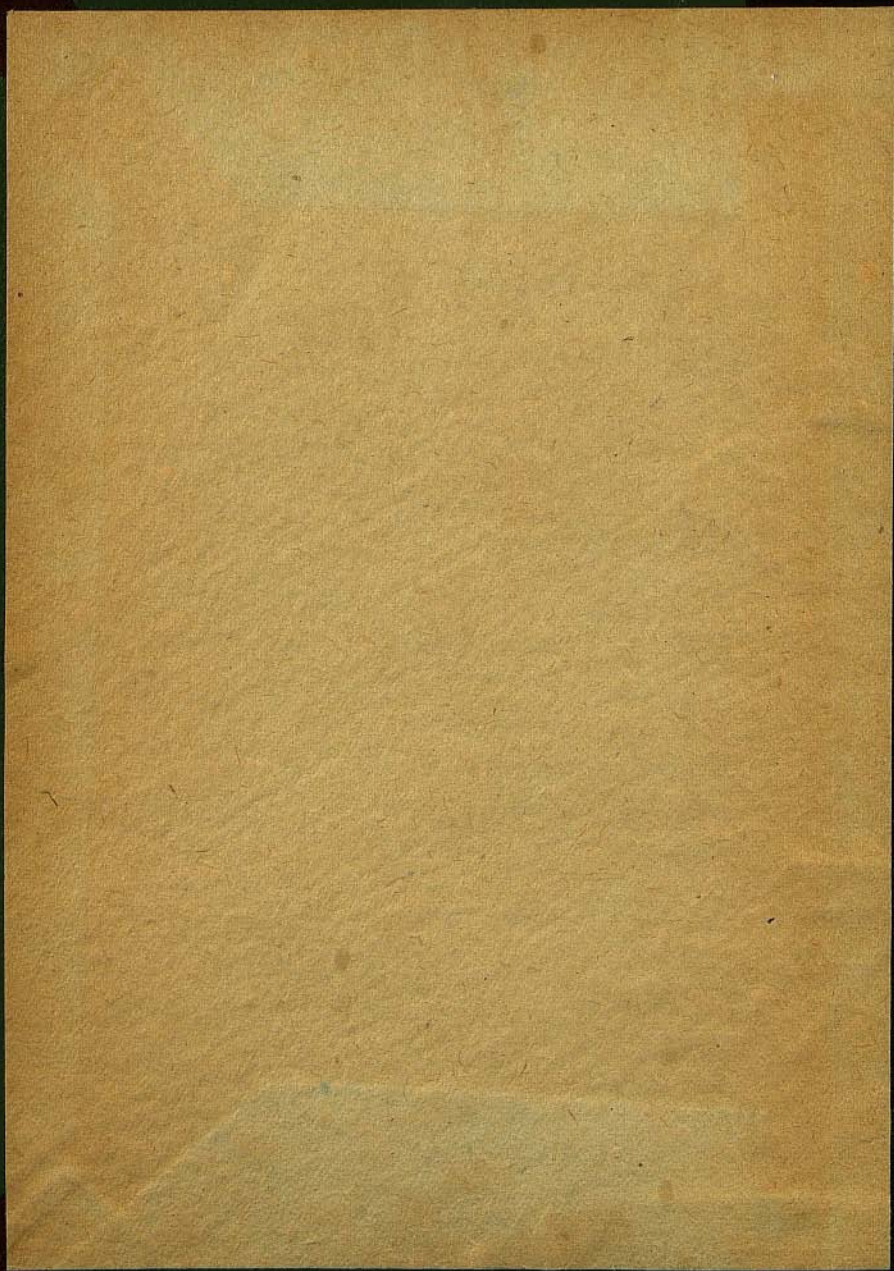
Р. Ю. Випперъ.

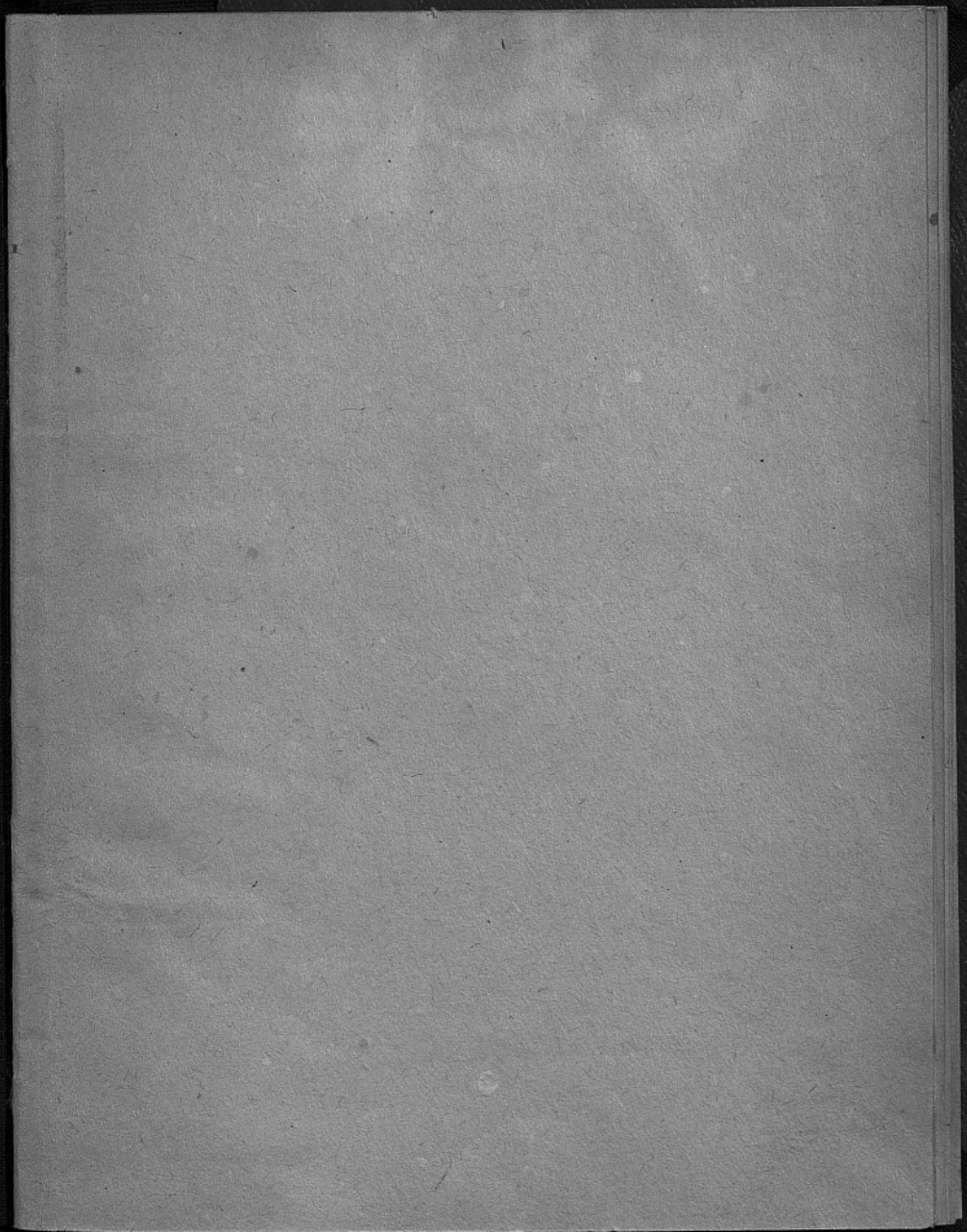
ВОЙНА И ДЕМОКРАТИЯ.

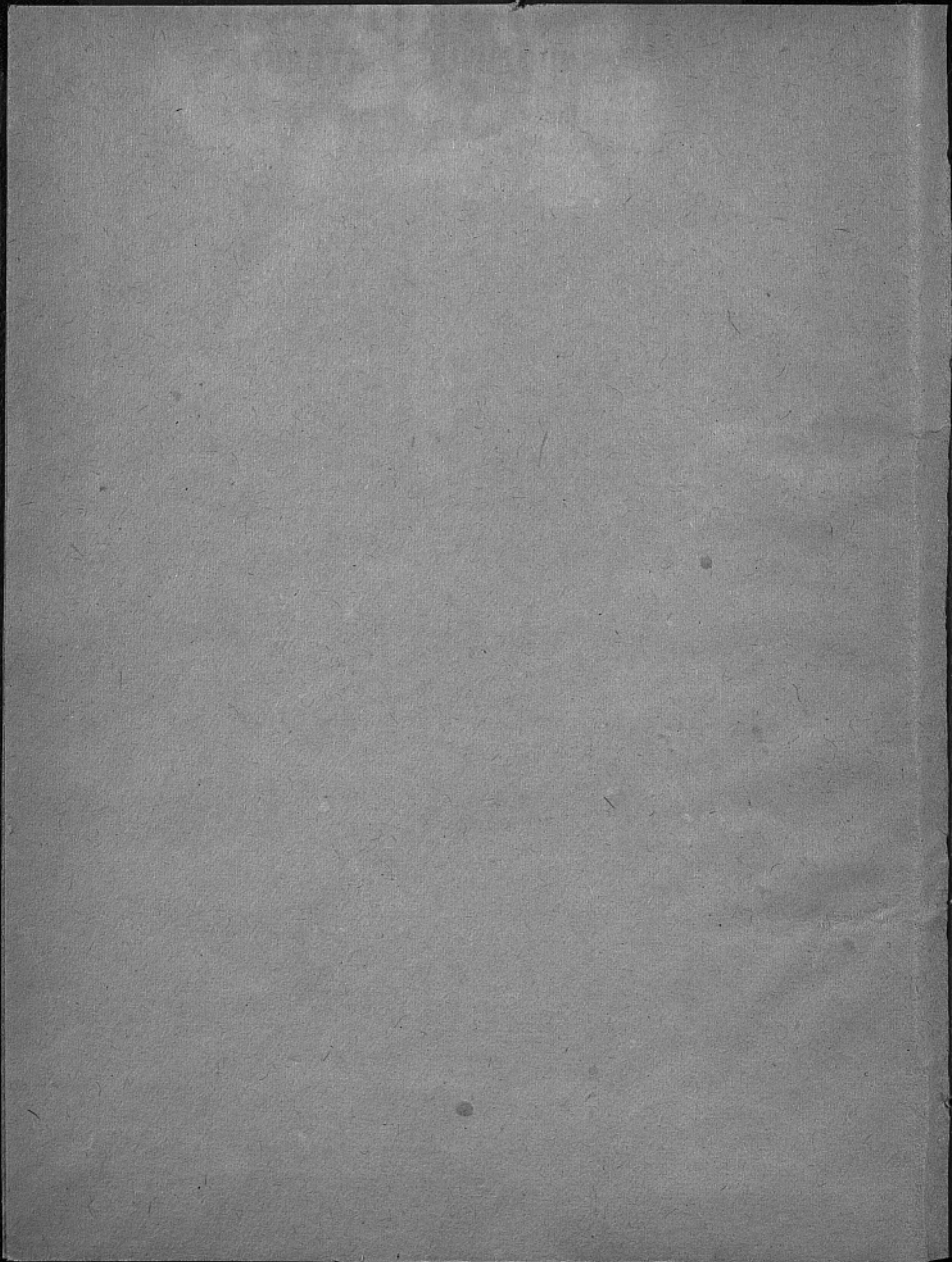
Цена 40 коп.

Типогр. «Общественная» Москва.

1917.

Изд-во жур. «Народный Учитель»

Москва, Тверская застава Царский, 4. Телеф. 8.05.19.

Л М
В 51

Р. Ю. Вилперъ.

×

ВОЙНА и ДЕМОКРАТІЯ.

МОСКВА.

Тип. «Общественная Польза» Москва, 3-я Твер.-Ям., 34.

1917.

⑧

1950. 10. 10

Л. Ю. Билалов

ДИТАРХОМДА ТАБИ

БИЕЛКО. Б
ИНСТИТУТИ ГАШ. П. ГОР. VI
№ 159486/16 М

Война и демократія.

I

Измученные войной, мы постоянно и постоянно возвращаемся къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ: въ-за чего длится эта небывалая по жестокости, неслыханная по размѣрамъ бойня? Какъ она возникла и чѣмъ она держится?

Существуетъ очень распространенный взглядъ, что война произошла по волѣ и желанію немногихъ опредѣленныхъ лицъ. Сторонники этого взгляда раздѣляются на двѣ части.

Одни, враждебные Германіи (*германофобы*), считают виновниками войны Вильгельма II и окружающую его кучку принцевъ, аристократическихъ генераловъ и крупныхъ артиллерійскихъ заводчиковъ. Другіе, расположенные къ Германіи (*германофилы*), находятъ, что особенной вины на германскомъ правительствѣ нѣтъ. Если Германія начала войну, то это—случайность; въдь артявники ея, Франція, Англія, Россія, не даромъ заключили между собою союзъ, значить и они тоже готовили войну; Германія объявленіемъ войны только предупредила неминуемое для нея напа-

деніе противниковъ. По мнѣнію германофиловъ, ужь если искать виновниковъ войны, такъ это — крупные капиталисты, особенно банкиры, которые ссужаютъ правительства, и военные поставщики, забирающіе громадныя барыши; правительства — жалкія игрушки въ рукахъ денежныхъ людей; жертвы несутъ народныя массы, которыя должны расплачиваться за жадность власть имущихъ и ихъ вдохновителей.

Второе объясненіе мало чѣмъ отличается отъ перваго. Оно тоже сводитъ войну на выдумку и преступленіе ничтожной кучки злодѣевъ. При томъ оба объясненія приводятъ къ одному и тому же выводу: если войну создала интрига небольшого числа лицъ, то вѣдь не трудно ее прекратить: стоитъ только добратся до зачинщиковъ, раскрыть ихъ заговоръ, разстроить ихъ козни, обнаружить ихъ приемы, и громадная бойня народовъ окончится.

Спрашивается, однако, могутъ ли эти объясненія удовлетворить при болѣе вдумчивомъ взглядѣ на дѣло? Развѣ правдоподобно, что въ нынѣшней Европѣ кровожадные богачи способны съ адской силой распоряжаться тупыми податливыми массами? Вѣдь рассуждать такъ, значитъ представлять себѣ современныя европейскіе народы чѣмъ-то въ родѣ Средней Азии эпохи Чингисхана. Вотъ тогда можно было, повидимому, двигать сотни тысячъ людей страшной волей безпощаднаго волшебника. Да и для того времени не надо преувеличивать. Если бы воинственныя орды сами не стремились составить грозную завоевательную силу, некакой колдунъ не могъ бы съ ними справиться. Но допустимъ, что въ ста-

рину вліяніе могущественныхъ людей было сильнѣе. Во всякомъ случаѣ для нынѣшняго вѣка примѣры Аттилы, Карла Великаго, Баття и другихъ властныхъ вождей, увлекавшихъ массы, неубѣдительны. Недаромъ теперь всеобщее избирательное право притянуло все населеніе къ политикѣ; не даромъ существуетъ ежедневная печать, быстро освѣдомляющая о томъ, что происходитъ на сѣвѣ; не даромъ другъ за другомъ ревниво слѣдятъ партіи. При этихъ условіяхъ возможно-ли напугать или обмануть общественное мнѣніе, можно-ли увлечь массы противъ ихъ воли? Неужели пойдутъ онѣ за непонятными имъ призывами?

На все это сторонники вышеприведеннаго объясненія скажутъ: а все-таки война изобрѣтена небольшой группой лицъ. Видно это изъ того, что между войной и понятіями нашего вѣка существуетъ глубокое противорѣчіе. Вѣдь война— явная бессмыслица именно теперь, когда каждый работникъ на счету, когда всесвѣтлый обмѣвъ произведеній труда не допускаетъ остановки! Что за дикая затѣя истреблять драгоценныя силы здоровыхъ людей, уничтожать запасы пищи, одежды и т. д. именно теперь, когда такъ размножилось населеніе всюду, когда только трудолюбіемъ и предусмотрительностью можетъ прожить человѣческая масса! Что за жестокость посылатъ въ бойню милліоны, когда смягчились нравы, когда не только смертную казнь, но и тѣлесное наказаніе нашъ вѣкъ не можетъ стерпѣть!

Ясно, что только немногіе хищники и бездѣльники, сидящіе вдалекѣ отъ кровопролитія въ

своихъ виллахъ и дворцахъ, способны равнодушно взирать на истребленіе и калѣченіе милліоновъ. Народу, демократіи, пролетаріямъ война глубоко ненавистна. Люди труда цѣнятъ высоко личность человѣка, его жизнь и здоровье. Они несутъ съ собою начала мира и братства, которыя отвѣчаютъ дѣятельной и благожелательной ихъ природѣ. Трудовыя массы не виноваты въ томъ, что верхи общества не созрѣли для такого согласнаго и разумнаго быта. Къ сожалѣнію, еще не исчезли черты стараго грубого воинственнаго вѣка. Нынешняя война — остатокъ прежней дикости. Она произошла оттого, что человѣчество въ цѣломъ еще не создало всей нелѣпости взаимнаго истребленія. Она произошла оттого, что вопреки настроенію большинства, нашлись ловкіе люди, которые сумѣли использовать темныя чувства въ массахъ; эти злонамѣренныя вожди напустили нашіи другъ противъ друга.

Но уже близко торжество новыхъ началъ, противоположныхъ войнѣ: таковы чувства взаимной связи трудящихся, таковы благородныя усиленія мирной работы, таковы изобрѣтенія, направленныя къ улучшенію человѣческаго быта. Эти начала вступать въ силу, когда народы будутъ дѣйствительно призваны къ самостоятельной жизни, когда демократія будетъ не на словахъ только, а и на дѣлѣ.

Картина будущаго заманчивая, ослѣпительно красивая! Спрашивается только, достаточно ли основаній въ нее вѣрить?

II.

Прежде всего, вѣрно-ли, что проповѣдь всеобщаго мира возникла впервые въ наше время? вѣрно-ли, что народы только теперь пришли къ сознанию нелѣпости войны?

Заглядывая въ прошлое, мы видимъ, что проповѣдь мира раздавалась во всё вѣка. Всегда люди готовы были отдаваться надеждамъ на конецъ войнъ. Время отъ времени выступали ученые, писатели, проповѣдники, дипломаты, которые предлагали наилучшій способъ замиренія челоувѣчества. Нерѣдко такой планъ всеобщаго братства народовъ появлялся какъ разъ въ самый разгаръ какой-нибудь жестокой войны.

Мы не будемъ сейчасъ заходить очень далеко въ глубь исторіи, а остановимся на эпохѣ, отстоящей отъ насъ приблизительно на полтора столѣтія. Во второй половинѣ XVIII вѣка, до наступленія великой французской революціи, во всѣхъ большихъ государствахъ Европы, кромѣ Англій, господствовало самодержавіе: народнаго представительства не было; къ голосу націи не обращались; свободны слова и совѣсти не существовало, всѣ дѣла, касавшіяся благосостоянія и просвѣщенія народа рѣшались въ 4 стѣнахъ министерскихъ кабинетовъ.

Государства находились въ частныхъ войнахъ между собою. Англія воевала съ Франціей изъ-за колоній въ Америкѣ и въ Азіи. Промышленную и населенную Бельгію, принадлежавшую Австріи, оспаривала у послѣдней Франція. Въ свою очередь противъ Австріи ожесточенно сражалась Пруссія, которая тогда только что стала подниматься. По временамъ въ европейскіе споры вступалась Россія; будучи другомъ Австріи, она посылала свои войска то противъ Франціи, то противъ Пруссіи. Россія, Австрія и Пруссія заридись на три большія разстроенныя государства, Швецію, Польшу и Турцію, и растаскивали эти веткя строенія по частямъ.

Неутѣшительное зрѣлище войнъ заставляло лучшіе умы задумываться надъ вопросомъ: какъ излечить Европу отъ безконечныхъ споровъ и кровопролитій? Въ этотъ вѣкъ ученые и писатели разныхъ странъ составляли какъ бы *международный союзъ просвѣтителей*; они вѣрили, что ихъ соединеніе служить преобразомъ будущаго строя, что наилучшій путь къ миру и есть установленіе общеевропейской республики; должно провозгласить самостоятельность націй; освободительные народы сами придуть къ всеобщему бравству.

Вотъ, наприимѣръ, какъ разсуждаетъ Гердеръ, изслѣдователь народныхъ пѣсень, историкъ и проповѣдникъ, которому приходилось жить и работать въ тогдашней раздробленной, лишенной единства и свободы Германіи. „Что нужно для жизни націй? Нужна благородная гордость въ сознаніи, что никто извнѣ не вмѣшателься въ ея устройство, что она сама себя устроитъ“. Освобождающейся націи не придется вести войны

отмщенія, не придется даже отбиваться, если сосѣднія съ нею націи захотятъ такой же свободы. Какъ только въ политикѣ будетъ признано право націй на самоопредѣленіе, это послужитъ концомъ всякихъ войнъ, потому что войны возникаютъ только изъ тщеславія и интриганства кабинетовъ. „Кабинеты могутъ обманывать другъ друга: политическія машины можно надвигать другъ на друга, пока одна не сломитъ другую. То, что люди зовутъ родиной, отечествомъ, не ополчается на другую родину; онѣ спокойно располагаются рядомъ, и какъ близкія семьи, помогаютъ другъ другу. Родина противъ родины въ кровавой борьбѣ — да вѣдь это злѣйшее искаженіе человѣческаго языка!“

Какъ ни трогательна вѣра Гердера въ благо-родство народныхъ массъ, его предсказаніе не оправдалось вовсе! Освобожденіе націй сопровождалось войнами, которыя по своему ожесточенію превосходили все предшествующія. Та нація, которой впервые въ Европѣ удалось добиться свободы, французская, должна была отчаянно отбиваться отъ сосѣдей, да и внутри Франціи не мало было пролито крови за свободу и объединеніе народа. Когда же французы принесли въ другія страны свои новыя понятія о равенствѣ правъ и свободѣ мысли, германцы, испанцы, итальянцы, голландцы и швейцарцы не захотѣли вступать въ мирное общеніе съ Франціей и подчиняться французской имперіи Наполеона. Начались войны за права націй, которыя затянулись, вслѣдъ за низверженіемъ Наполеона, болѣе чѣмъ на полвѣка.

Несмотря на то, что свобода націй рождалась

среди кровавой борьбы, въ Европѣ опять возобновились надежды на установленіе всеобщаго мира. Интересно, что на этотъ разъ, въ первой половинѣ XIX в., о грядущемъ мирѣ толковали люди совсѣмъ не мечтательнаго склада: проповѣдь общаго замиренія исходила отъ фабрикантовъ и торговцевъ Англіи, которая выдавалась тогда своими машинами и быстрымъ дешевымъ производствомъ. Промышленность дѣлала новые и новые шаги впередъ; обмѣнъ усиливался благодаря примѣненію паровой двигательной силы, построены желѣзныя дороги и развитію паровозовъ. Подъ впечатлѣніемъ этихъ успѣховъ, промышленники, люди трезвые и расчетливые, увѣряли, что пришло наконецъ ихъ время; кончилась пора дворянскихъ и монархическихъ „войнъ роскоши“, которыя были задорнымъ исчадіемъ приключеній или грубымъ захватомъ. Простая выгода подсказываетъ необходимость непрерывныхъ мирныхъ сношеній. Когда обширныя массы снабжаются питаніемъ изъ отдаленныхъ краевъ, когда ни одна страна не можетъ обойтись безъ океанической торговли, что за безсмыслица война! Ясно, что въ жизни человѣчества наступаетъ великая перемѣна: *воинственный* вѣкъ замѣняется *торгово-промышленнымъ*. Мѣсто расточительныхъ рыцарей призваны занять скромные дѣловые люди. Война исчезаетъ уже потому, что она неэкономна и не отвѣчаетъ правиламъ жизни промышленнаго вѣка.

Эти ожиданія коммерческихъ людей такъ же мало оправдались, какъ вѣра Гердера въ миролюбіе освобождаемыхъ націй. И такъ же, какъ преувеличенныя надежды просвѣтителей сопро-

вождались особенно жестокими столкновениями народовъ, и теперь промышленный вѣкъ увидѣлъ взрывъ озлобленнаго соперничества. Давно въ Европѣ не происходило такихъ кровопролитныхъ сраженій, какъ въ тѣхъ пяти войнахъ, которыя понадобились для объединенія двухъ націй, итальянской и германской. Войны эти разыгрались на протяжении всего 12 лѣтъ (1859—1871 гг.); онѣ замѣчательны тѣмъ, что впервые въ нихъ стали примѣнять, кромѣ дѣйствующей арміи, еще запасныхъ; такимъ образомъ появилась подъ ружьемъ миллионная военная громада, тогда какъ раньше уже армія въ 200.000 считалась тяжкимъ бременемъ государства.

О томъ, чтобы соблюдать взаимныя торговныя выгоды между народами никто не думалъ. Напротивъ каждое государство старалось забрать себѣ побольше барышей, а сосѣдей поставить въ худшее положеніе. Когда Германія одолѣла Францію въ войнѣ 1870 — 71 года, съ побѣжденной страны рѣшили взять огромную контрибуцію не для того только, чтобы вознаградить себя, но и для того, чтобы разорить въ конецъ соперника.

И опять среди озлобленія націй и государствъ поднялись новые проповѣдники всеобщаго мира. Это были социалисты, которые во время национальныхъ войнъ, въ 60-хъ годахъ XIX вѣка, впервые стали собираться на съѣзды *Интернаціонала* (т. е. международнаго общества рабочихъ-соціалистовъ). Такъ же какъ просвѣтители XVIII в. мечтали въ духъ своего международнаго союза, и социалисты судили по своимъ съѣздамъ: развѣ общество людей труда всѣхъ странъ не должно быть нагляднымъ доказательствомъ будущаго

братства народовъ? развѣ не показывается Интернаціональ, что вполне возможна всечеловѣческая республика безъ различія племенъ и классовъ?

Самымъ вліятельнымъ участникомъ Интернаціонала былъ Карль Марксъ, гѣніальный ученый, который взялся собрать всѣ данныя науки для оправданія требованій социалистовъ. Марксъ возобновляетъ тѣ упреки, которые въ свое время дѣлали промышленники правителямъ государства и празднымъ классамъ общества; но онъ обращаетъ обвиненія противъ самихъ обвинителей. Теперь міровое хозяйство перешло въ руки капиталистовъ, или крупной буржуазіи. Ихъ пріемы, по мнѣнію ученаго социалиста, конечно, и шире, и умѣе, и толковѣе, чѣмъ въ свое время было хозяйничанье великосвѣтскихъ министровъ и облъпывашикъ дворя бездѣльниковъ; но все-таки и буржуазія не бережетъ народныхъ силъ, и она гонимается за грубой наживой. Поэтому капиталисты виноваты въ *промышленныхъ кризисахъ*, т. е. въ *остановкахъ сбыта*, сопровождаемыхъ закрытіемъ фабрикъ и распущеніемъ рабочихъ. Кризисы происходятъ именно отъ жадности капиталистовъ, отъ поспѣшности ихъ дѣйствій они не умѣютъ и не хотятъ столкнуться между собой, у нихъ преобладаетъ личный интересъ надъ общественнымъ. Они все строятъ на соперничествѣ вмѣсто того, чтобы придти къ общей согласной организаціи. Велѣдствіе этого хозяйничанье капиталистовъ на свѣтѣ составляетъ непрерывную войну.

Столкновенія и войны, по мнѣнію Маркса, замѣются всеобщимъ миромъ лишь, когда капиталисты уступятъ свое мѣсто рабочимъ, и когда

трудовые классы всѣхъ странъ уговорятся относительно обмѣна товаровъ. Эта увѣренность громко высказывалась социалистами на конгрессахъ (т. е. съѣздахъ) Интернаціонала. Одно время Интернаціональ разстроился; съ 1872 года конгрессы социалистовъ прекратились. Когда собранія Интернаціонала удалось возобновить въ 1889 году, опять зазвучали тѣ же призывы къ международному братству рабочихъ; опять стали провозглашать близкое прекращеніе всѣхъ войнъ.

Итакъ, мы видимъ, что издавна чуть не каждое новое поколѣніе поднимаетъ жалобу на воинственность своего вѣка и обѣщаетъ скорое замиреніе. Въ этихъ жалобахъ повторяются почти однѣ и тѣ же мысли.

Просвѣтителя конца XVIII вѣка винили въ виновности правительства и оправдывали народы. Промышленные предприниматели первой половины XIX в., находили слишкомъ воинственнымъ старое дворянство и ожидали мира отъ торжества коммерсантовъ. Соціалисты второй половины XIX вѣка въ свою очередь считали капиталистовъ виновниками столѣтней и дѣлали надежды на миролюбіе грядущей демократіи рабочихъ.

И затѣмъ какъ нарочно, всякій разъ послѣ горячей проповѣди общаго замиренія, слѣдоваль новыи взрывъ воинственности. За предсказаніями просвѣтителей — наполеоновскія войны начала XIX в., за расчетами коммерсантовъ національнныи войны середины XIX в., за мечтами социалистовъ, собиравшихся въ Интернаціональ, колоссальная война 1914 года.

Что же это значить? Отчего вновь нарастаю-

щія поколѣнія находили своихъ предшественниковъ слишкомъ воинственными и сами не замѣчали собственнаго ожесточенія? Затѣмъ, можно ли намъ вѣрить въ предстоящее наступленіе всеобщаго мира, если всѣ предшествующія предсказанія оказались ошибочными? И наконецъ, самое главное, что же въ дѣйствительности нарастаетъ въ свѣтъ, миролюбіе или воинственность?

III.

Необходимо намъ разобратся въ событіяхъ европейской исторіи для того, чтобы видѣть, какъ возникаютъ войны, какіе интересы охватываютъ онѣ собою. Растетъ ли кругъ лицъ, увлекаемыхъ войной или уменьшается?

Прежде всего историкъ долженъ отвергнуть одинъ очень распространенный предразсудокъ. Обыкновенно считаютъ, что въ старину или, какъ часто говорятъ, въ *феодалныя времена*, народныя массы были очень безпокойны, непослѣдливы, драчливы; что напротивъ въ Новое время, по мѣрѣ развитія обмѣна, обширные слои народа начали сознавать необходимость спокойной обстановки для работы, а слѣд. стали больше цѣнить миръ. Историкъ скажетъ, что не надо преувеличивать безпокойство и воинственность феодальнаго времени. Чаще всего, войны стариннаго вѣка составляли исключенія и озорство небольшой кучки незапятнанныхъ людей, которые были воителями по своему промыслу. Громадное большинство населенія вело, напротивъ, жизнь удивительно устойчивую, не отступая отъ стародавнихъ унаслѣдованныхъ обычаевъ. Правда, человекъ вслѣдствіе слабости въ наукахъ, больше терпѣлъ отъ болѣзней и голодовокъ, отъ бѣдствій природныхъ и случайныхъ; но въ своемъ жизненномъ укладѣ онъ испытывалъ мало

превратностей: занятіе, мастерство и заработокъ переходили по наслѣдству; меньше приходилось биться и выдумывать, не было колебаній между преувеличенными надеждами и отчаяніемъ.

Иное дѣло — Новое время, когда Европа внезапно расширилась, и европейцы перекинулись за океанъ. Съ увеличеніемъ богатства и обмена появилась жажда прибыли, стала нарастать жадность во всѣхъ слояхъ народа. Множество людей, сдвинутыхъ со своихъ отцовскихъ, тихихъ мѣстъ, становятся по неволѣ безповойными, нервными, пронизываются страхомъ неизвѣстности, приобрѣтаютъ складку сухой беспощадности къ ближнему, или, какъ мы говоримъ, дѣлаются *материалистами*. Создается гораздо больше поводовъ для столкновеній, ставки войны дѣлаются все крупнѣе и крупнѣе. Вотъ почему Новая исторія — свидѣтельница такихъ упорныхъ и обширныхъ войнъ, о которыхъ и помину не было въ старину.

Перемѣны эти, разумѣется, произошли не сразу. Не скоро подался старый крѣпкій укладъ жизни. Первое время и въ Новой исторіи войны, торговые захваты на морѣ — дѣло немногихъ смѣльчаковъ и разбойниковъ. Приглядимся немного къ вышнимъ предпріятіямъ англчанъ, начиная съ ихъ знаменитой королевы Елизаветы, современницы Ивана Грознаго (во второй половинѣ XVI вѣка).

На небольшихъ парусныхъ судахъ отправлялись въ океанъ отчаянные люди, отчасти злодѣи и грабители, которыхъ ждала тюрьма и висѣлица; они старались отбить у испанцевъ большіе корабли съ грузами перца, корицы и гвоздики, мед-

ленно ѣхавшіе кругомъ Африки изъ далекой Восточной Индіи; еще больше занимало ихъ подстеречь *серебряный флотъ*, который разъ въ три года пересѣкалъ Атлантическій океанъ, подвозя богатства южно-американскихъ рудниковъ къ берегамъ Испаніи. Англійскимъ морскимъ разбойникамъ, разумѣется, мало было забрать добычу, вся суть заключалась въ выгодной ея продажѣ. Заранѣе барыши ожидаемаго грабежа распредѣлялись между дольщиками, которые въ свою очередь ссужали разбойныхъ капитановъ для снаряженія судовъ; и вотъ въ Англіи рассказывали, что сама блистательная королева Елизавета была тайно записана среди участниковъ выгодныхъ, но нехорошихъ предпріятій.

Отъ всѣхъ этихъ дѣлъ стоитъ въ сторонѣ масса народа, и зажиточные обыватели, и образованные люди, и крестьяне, и ремесленники. Вожутъ и гоняются за торговыми выгодами какія то безпокойныя натуры, не то гениальные изобрѣтатели, не то преступники. Мы можемъ судить о нихъ по нашему Ермаку Тимофееву, покорителю Сибири: вѣдь онъ какъ разъ изъ бѣглаго, преслѣдуемаго разбойника превратился въ счастливаго завоевателя богатѣйшаго края.

Постепенно, однако, тихіе, спокойно сидѣвшіе на мѣстахъ помѣщики, ремесленники, лавочники, священники, учителя, врачи и т. д., входятъ во вкусъ заморскихъ предпріятій. Смотришь, иной богатый челоуѣкъ, который на парадныхъ обѣдахъ любилъ выставлять напоказъ свою золотую и серебряную посуду, продаетъ ненужныя драгоценности и вступаетъ пайщикомъ въ *Остъ-индскую Компанію*; это значитъ, онъ вкладываетъ свою долю

въ союзъ торговцевъ, вывозящихъ товары изъ Дальняго Востока; онъ будетъ получать теперь со своего капитала немалые проценты. А что дѣлаетъ Остъ-индская компанія? — Между прочимъ покупаетъ въ Индостанѣ крашенные ситцы, которыхъ не умѣютъ еще дѣлать въ Европѣ, привозить моремъ и продаетъ модницамъ при дворѣ и въ высшемъ обществѣ, продаетъ выгодно, потому что пестряя индѣйскія матеріи — предметъ роскоши. Скупается товаръ у мѣстныхъ индѣйскихъ князьковъ, и если кто изъ нихъ заупрямится, компанія присылаетъ для укрощенія отрядъ наемныхъ солдатъ.

Правительство попрежнему въ сторонѣ отъ этихъ торговыхъ дѣлъ, а между тѣмъ компанія уже распоряжается въ очень обширномъ размѣрѣ, завладѣваетъ шагъ за шагомъ богатой и населенной азіатской страной; у компаніи на службѣ множество агентовъ, конторщиковъ, приказчиковъ, командировъ, капитановъ, словомъ цѣлый штатъ, точно она составляетъ особое государство.

Скоро въ дѣла иностранной торговли затягивается еще одинъ разрядъ обывателей. Такъ какъ крашенные ситцы раскупаются очень быстро, изобрѣтательные люди начинаютъ изготовлять товаръ въ самой Англій, первое время въ видѣ поддѣлки, потомъ вполне открыто. Остъ-индская компанія получаетъ новую выгоду: она беретъ на себя доставку изъ Индіи хлопка.

Ситцы, миттали и т. д. вызываютъ негодованіе изготовителей полотна, которые считаютъ себя стариннымъ честнымъ ремесломъ Англій. Они жалуются правительству на новое богопротивное дѣло, просятъ сократить или даже запре-

тить видѣлку бумажныхъ матерій. Случалось, что обиженные ремесленники на улицѣ срывали съ прохожихъ ситцевыя платья и рвали ихъ въ клочья. А все-таки новый промыселъ дѣлалъ свое дѣло, и къ нему приставали все новые разряды людей, бросающіе прежніе менѣе выгодные заработки.

Между тѣмъ англійская Остъ-индская компанія имѣла соперника въ лицѣ такой же французской компаніи; командиры отрядовъ, нанятыхъ купцами той и другой страны, встрѣчались между собою враждебно, и дѣло стало доходить до крупныхъ столкновеній. Тогда и правительства нашли необходимымъ вступить за торговцевъ, разъ они приобрѣтали столько выгодъ странѣ. Англійскій министръ военныхъ и морскихъ дѣлъ Уильямъ Питтъ, современникъ императрицы Елизаветы Петровны, повелѣ дѣло очень искусно, чтобы вытѣснить французовъ изъ Индостана и изъ Америки, гдѣ Франція заняла обширную и хлѣбородную область Канаду.

Чтобы отвлечь силы и вниманіе Франціи, онъ двинулъ на нее въ самой Европѣ хищную и воинственную Пруссію. Такъ какъ у прусскаго короля было войско, но не было денегъ, Питтъ взялъ его на свое иждивеніе, платилъ ему въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ субсидію, т. е. содержалъ его войско.

Откуда у Питта брались такія крупныя средства? Тогда податей и налоговъ собирали гораздо меньше, а на одновременный взносъ, требуемый войной, и въ наше время не хватаетъ достаточныхъ суммъ, надо дѣлать займы. Питтъ уже тогда, болѣе 150 лѣтъ тому назадъ, располагалъ замѣчательнымъ средствомъ для заключенія зай-

мовъ: онъ могъ брать ссуду у Лондонскаго банка, а Лондонскій банкъ составлялъ въ то время единственное учрежденіе въ своемъ родѣ. Выпускаемая бумаги, обезпеченныя правительствомъ, банкъ притягивалъ суммы, за которыя покупателямъ бумагъ и вкладчикамъ выдавалъ хорошіе проценты. Его ссуды правительству составляли *національный долгъ*; по мѣрѣ того, какъ военныя предпріятія становились шире, нарасталъ и долгъ. Онъ заслуживаетъ имени національнаго, потому что черезъ посредство банка, въ ссудѣ принимало участіе множество народа всякаго званія и состоянія: покупали банковскія бумаги и многіе мелкіе сберегатели.

Прежнее время не знало такого вида пользованія своими сбереженіями. Надо сказать, что общество втягивалось во внѣшнюю завоевательную политику, въ займы и ссуды правительству не безъ усилій, можно сказать, не безъ душевной боли. Долгое время участіе въ новыхъ видахъ видахъ наживы казалось дѣломъ нехорошимъ, непокойнымъ для совѣсти. Старики ворчали на молодыхъ за нравственную неразборчивость и осуждали участіе въ банковскихъ дѣлахъ приблизительно, какъ теперь унасъ осуждаютъ игру на биржѣ.

Но все, что разъ завелось въ промышленной жизни, не только не исчезало, а принимало все болѣе широкій видъ. Росли захваты товаровъ и земель за моремъ, росли барыши въ заморской торговлѣ, росли фабрики, обработывавшія привозное сырье, хлопнокъ, росли ссуды на правительственныя предпріятія, росли выгоды сберегателей и вкладчиковъ банка. Интересы всей этой

массы людей скрѣплялись все больше вокругъ крупныхъ дѣлъ, которое затѣвало государство, или которыя государство поощряло.

Въ обществѣ стали говорить все чаще и чаще о національных интересахъ, о національных владѣніяхъ и приобрѣтеніяхъ. Уильямъ Питтъ, человекъ высокоумный и самоувѣренный, умѣлъ придавать своимъ планамъ размахистый, патріотическій характеръ; однажды онъ наполовину въ шутку, сказалъ: „последній лондонскій нищій привыкъ разсуждать о нашихъ заморскихъ владѣніяхъ“. Въ этихъ словахъ было преувеличеніе, но ужъ не такое большое. Если не последний нищій, то очень многіе мелкіе обыватели горячо спорили о политикѣ, о войнѣ и мирѣ, о томъ, нужно-ли приобрѣтать такую-то колонію или нѣтъ. Не изъ одного празднаго любопытства волновались они по поводу такихъ, казалось, отдаленныхъ отъ Англіи дѣлъ. Нѣтъ, задѣты были ихъ кровные интересы: для однихъ успѣхъ индѣйскихъ и американскихъ предпріятій означалъ полученіе ихъ единственнаго заработка, для другихъ полученіе дохода со своихъ сбереженій, для третьихъ—прибыль со всего вложеннаго въ оборотъ капитала.

То, что мы видимъ на примѣрѣ Англіи, страны передовой, испытавшей многое раньше другихъ, поучительно вообще. Сначала *внѣшняя политика*, т-е. дѣла заморской торговли, приобрѣтенія чужихъ товаровъ, а также связанна съ этими дѣлами войны, интересуютъ немногихъ въ странѣ. Кажется, даже, что большинство населенія осуждаетъ слишкомъ смѣлныя выходки отчаянныхъ искателей приключеній, а иные считаютъ ихъ

поступки нечестной, богопротивной наживой. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше втягивается людей разнаго званія въ заморскія предпріятія: въ странѣ возникаютъ новые промыслы, которые обрабатываютъ исключительно подвозимый изда лека матеріалъ. Все больше и больше богатства даютъ разнымъ слоямъ народа внѣшнія сношенія; правительство начинаетъ теперь прямо поддерживать всѣ иностранныя предпріятія, а этимъ способомъ вовлекаетъ все новыя и новыя разряды людей во внѣшнюю политику.

Торговля и войны становятся національнымъ дѣломъ. Вотъ когда наредилась *нація*, т. е. большее соединеніе интересовъ множества людей, живущихъ въ одной странѣ, говорящихъ однимъ языкомъ, признающихъ одно правительство.

IV.

Скоро національный интерес пробуждается и въ другихъ странахъ Европы, прѣжде всего въ сосѣднихъ съ Англіей, Голландіи и Франціи. Не трудно видѣть, каковы послѣдствія этой перемѣны для дѣла войны и мира между европейскими народами. Искатели богатствъ становятся въ однихъ и тѣхъ же заморскихъ странахъ, и такъ какъ ихъ дружины, ихъ компаніи становятся все крупнѣе, то и споры ихъ дѣлаются ожесточеннѣе. Поэтому съ образованіемъ націй въ Европѣ, войны приобретаютъ болѣе обширный и болѣе упорный характеръ.

Не всѣ согласны съ только что высказанной мыслью. Намъ будутъ возражать послѣдователи Маркса, ученіе котораго о близости всеобщаго мира мы уже знаемъ. Они скажутъ: вѣрно, что разрастается жадность высшихъ и среднихъ классовъ общества; поэтому появленіе національнаго интереса — не общенародное дѣло, а прихоть и капризъ дворянства и буржуазіи. Масса народа остается чуждой всѣмъ предпріятіямъ, связаннымъ съ расширеніемъ державы. Всеъ рабочій пролетаріатъ безразличенъ къ захватамъ колоній, къ выгодамъ торговыхъ договоровъ. Какая работа, напрямѣръ, была жалкому прядильщику на бумажной фабрикѣ или рудокопу, добываю-

щему уголь, или носильщику въ портѣ, какая имъ была работа, выгнать Англія французовъ изъ Индостана или предоставить имъ это золотое дно?

На это можно отвѣтить, что если дѣло идетъ о нищемъ, о человѣкѣ, совершенно задавленномъ нуждой, который не можетъ и семьи прокормить, то, конечно, у него не существуетъ интереса ни къ внѣшней политикѣ, ни къ національному дѣлу. Но вѣдь у такихъ несчастныхъ, голодающихъ и погибающихъ людей не существуетъ интереса и къ внутреннимъ дѣламъ страны. Нельзя злоупотреблять словомъ и понятіемъ „пролетаріатъ“. Нельзя считать всѣхъ пролетаріевъ немущими и только немущими. Пролетарій можетъ и порядочно, и очень хорошо зарабатывать. Основной признакъ его положенія — не въ томъ, что у него нѣтъ никакихъ средствъ существованія, а въ томъ, что онъ зависитъ отъ чужого предпріятія, отъ посторонняго капитала. Пролетарій не имѣетъ своего капитала, своего мастерства, своего дома, своей земли; онъ — наемникъ въ чужомъ дѣлѣ, въ которое онъ не вкладываетъ средствъ, онъ не обладаетъ *орудіями производства*.

Когда мы говоримъ, что пролетарій прямо не заинтересованъ въ предпріятіи, гдѣ служить, напримѣръ, въ такой-то бумаго-прядильной фабрикѣ, то это значитъ только, что, не будучи хозяиномъ или пайщикомъ дѣла, онъ легко можетъ перейти въ другое подобное же предпріятіе. Но это не значитъ, что прядильщикъ не заинтересованъ въ хлопчатобумажномъ дѣлѣ вообще. Совсѣмъ нельзя сказать, что его не затрагиваютъ вопросы подвоза хлопка и сбыта пряжи, что ему

не важно, какія цѣны стоятъ на эти товары что ему безразлично, гдѣ на свѣтѣ наибольшій спросъ на произведенія его промысла и т. п.

Нѣтъ, тамъ, гдѣ рабочей достигъ сознательности, онъ очень чутко и внимательно относится ко всѣму, что связано съ внѣшной политикой страны. Весьма интересно наблюдать въ этомъ отношеніи англійскихъ рабочихъ, наиболѣе самостоятельныхъ и умственно развитыхъ. Представители разныхъ видовъ промышленности очень различаются между собою во взглядахъ, и по этимъ различіямъ видно, какъ хорошо каждый понимаетъ зависимость своего производства отъ оборота иностранныхъ дѣлъ.

Такое различіе во взглядахъ можно было замѣтить незадолго до войны между двумя промышленными городами, Бирмингамомъ и Манчестеромъ. Надо имѣть въ виду, что Бирмингамъ обрабатываетъ желѣзо, Манчестеръ выдѣлываетъ пряжу и бумажныя матеріи; Бирмингамъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи матеріалъ, добываемый въ самой Англій, Манчестеръ исключительно зависитъ отъ подвоза хлопка, такъ какъ въ Англій сырой и холодный климатъ не позволяетъ произрастать хлопчатнику. Вслѣдствіе этой разницы въ условіяхъ производства, и предприниматели, и рабочіе двухъ городовъ разнo смотрѣли на такой вопросъ: слѣдуетъ-ли облагать пошлинами товары, ввозимые въ Англій, или должно оставить ихъ свободными отъ пошлинъ, какъ было до сихъ поръ въ англійской политикѣ?

Манчестеръ стоялъ за свободную торговлю, т. е. чтобы пошлинъ не было. Участникамъ бумажнаго дѣла казалось нужнымъ облегчить для посторон-

нихъ ввозъ въ Англію хлопка, а кромѣ того, хлѣба и другихъ предметовъ первой необходимости, которыхъ въ Англіи нѣтъ. При свободной торговлѣ, думали они, въ самой Англіи судятъ недорогоя цѣны на припасы и на главный матеріалъ манчестерской работы; тогда бумажникамъ легче будетъ въ свою очередь продать за границей изготовленный ими товаръ. Безпошлинный ввозъ предметовъ въ Англію послужить главной приманкой для иностранныхъ производителей, чтобы они больше ввозили и дешевле продавали англичанамъ. Въ свою очередь это облегченіе—главное средство для англичанъ добиться выгодныхъ условій при продажѣ своихъ товаровъ въ иноземныхъ краяхъ. Манчестеръ еще потому не зарился на пошлины, что онъ не привылъ опасаться соперниковъ въ бумажномъ дѣлѣ: долгое время въ его распоряженіи было больше половины всѣхъ прядильныхъ веретенъ въ мірѣ.

Иначе смотрѣли на дѣло въ Бирмингамѣ. Представителямъ желѣзодѣлательнаго и сталелитейнаго дѣла нечего было ухаживать за иностранцами: желѣзной руды сколько угодно въ Англіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень достаточно и своего угля, безъ котораго не можетъ быть обработки желѣза. Значить бирмингамцы могли довольно равнодушно относиться къ вопросу, вводить или не вводить пошлины. Но вотъ съ конца XIX вѣка прибавилось обстоятельство, которое заставило Бирмингамъ насторожиться: въ Англіи появились желѣзныя и стальныя заводы германской работы; германскіе заводы сдѣлались соперниками англійскихъ и не только за границей, но и въ самой Англіи. Въ Бирмингамѣ приходятъ

къ той мысли, что надо оградить сбытъ английскихъ заводовъ отъ наплыва чужихъ товаровъ, или иначе ввести *покровительственныя* пошлины на ввозное желѣзо и сталь. (покровительство своему производству называется на многихъ западно-европейскихъ языкахъ *протекціонизмомъ*, свободная безошлинная торговля, по английски, — *фри трейдъ*).

Въ политикѣ всѣ вопросы тѣсно связаны, и нельзя, напр, интересоваться только пошлинами, а остальнымъ пренебрегать. Большею частью тѣ, кто были за свободную торговлю, вѣрили въ возможность мирныхъ сношеній между народами. Кто соглашался на покровительственныя пошлины, слѣд. кто не боялся раздражить иностранцевъ, готовъ былъ, въ случаѣ чего, и воевать. Такъ что, можно сказать, безошлинники были миролюбивы, а пошлинники — войнолюбивы.

Особенно замѣтно эта послѣдняя черта отразилась въ дѣятельности бирмингамскаго миллионера Чемберлена, сдѣлавшагося въ концѣ XIX в. министромъ колоній (т.е. заморскихъ владѣній) Англіи. Чемберленъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы владѣнія Англіи, разсѣянные по всѣмъ материкамъ, окружить стѣной пошлинъ отъ остальнаго міра. Онъ же вовлекъ Англію въ войну съ бурами, т.е. независимыми голландскими скотодами южной Африки для того, чтобы отобрать у нихъ богатые золотые рудники. При Чемберленѣ усилилась въ Англіи политика *империализма*, т.е. широкихъ захватовъ за предѣлами своихъ прежнихъ владѣній. Надо имѣть въ виду, что политику Чемберлена поддерживали всѣ слои Бирмингама, и хозяева, и рабочіе, а политика эта,

какъ сказано было, началась съ требованія покровительственныхъ пошлинъ.

Мы видимъ: никакъ нельзя сказать, что сознательные рабочіе вообще безусловные противники войны. Нѣтъ, все зависитъ отъ характера промысла, отъ его положенія на свѣтѣ. Затѣмъ, много значатъ окружающія условія, поведеніе сосѣдей и соперниковъ. Англійскіе рабочіе въ большинствѣ долго придерживались понятія свободной торговли и были противниками войны. Ихъ нерасположеніе къ войнѣ составляло главную причину, почему въ Англіи нельзя было ввести всеобщую воинскую повинность. Но въ этомъ дѣлѣ все перемѣнила война 1914 года.

До тѣхъ поръ въ Англіи считали невозможной высадку врага на островѣ; оттого сохраняли прежній военный порядокъ и держали небольшую двухсотъ-тысячную армію наемниковъ. Но когда германцы въ началѣ войны быстро заняли Бельгію и сѣверную Францію и стали готовиться къ переправѣ черезъ узкій каналъ, отдѣляющій Англію отъ материка, англичане сразу отказались отъ своей вѣры въ безопасность островного положенія. Всѣмъ стало ясно, что только отправкой крупнѣйшей арміи на материкъ и вооруженіемъ всей страны можно спасти родину. Отсюда—необходимость немедленнаго призыва всѣхъ способныхъ носить оружіе. Введеніе общей воинской повинности было немислимо безъ согласія большинства англійскихъ рабочихъ; для нихъ же это былъ переворотъ всего міровоззрѣнія.

Введеніе всеобщей воинской повинности въ разныхъ странахъ составляетъ вообще великую перемѣну настроенія европейскихъ народовъ: главный смыслъ ея въ томъ, что въ широкихъ слояхъ населенія нарастаетъ воинственность. Приглядимся немного, какъ появляется всеобщая воинская повинность.

Мы уже видѣли, что въ старину войнѣ отдавались сравнительно немногіе любители и охотники опаснаго дѣла. Солдаты были такими же специалистами, какъ плотники, кузнецы и т. п., и посвящали себя военному ремеслу на всю жизнь. Крестьянъ, ремесленниковъ, купечество, людей съ образованіемъ почти невозможно было увлечь на войну. Арміи были невелики, и набирать ихъ стоило не мало труда: и казны не хватало у правительствъ для ихъ содержанія, и средствъ принужденія, чтобы заставить идти на войну толпы народа. Съ другой стороны, и поводовъ не было такъ жестоко драться: у однихъ не имѣлось охоты нападать, у другихъ — нужды защищаться.

Въ Новое время замѣтна существенная перемѣна. Одинъ изъ первыхъ случаевъ, когда обыватели всякихъ званій и промысловъ, побросавъ свои обычныя занятія, взяли за оружіе, — американское возстаніе 1776 года. Американцы, быв-

шіе виселенцы изъ Англіи (на подобіе сибиряковъ-переселенцевъ изъ Россіи), не хотѣли платити налоги въ Англію и покупать товары по той цѣнѣ, которую назначали англичане; народъ упрямый и настойчивый, они не побоялись довести дѣло до вооруженнаго сопротивленія, когда Англія переправила въ Америку солдатъ. Въ войнѣ за независимость, продолжавшейся 7 лѣтъ, американцы бились всѣ въ качествѣ добровольцевъ. Это былъ случай, еще неслыханный до тѣхъ поръ, и онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе: никогда не приходилось видѣть европейцамъ всенародное возстаніе и всенародное ополченіе. Примѣръ такъ одушевилъ молодежь въ Европѣ, что многіе французы, нѣмцы, поляки отправились въ Америку сражаться вмѣстѣ съ герейскими ополченцами.

Скоро пришлось Франціи послѣдовать примѣру Америки. Въ 1789 г. началась великая французская революція, французскій народъ сбросилъ самодержавіе и добился свободнаго строя. Когда король завелъ измѣнническія сношенія съ иностранными государями, французы совѣмъ отменили монархію, ввели у себя республику и провозгласили всеобщее равенство правъ; они приглашали къ тому же самому другіе народы. Самодержавныя правительства другихъ странъ, испугавшись за свое существованіе, начали войну противъ Франціи; къ нимъ присоединилась Англія, которая хотя имѣла свободное устройство, но враждовала съ Франціей изъ-за морской торговли. Враги грозили задавить молодую французскую республику; армія ея, набранная по

старому изъ наемниковъ, была въ 5 разъ меньше наступавшихъ на неё союзныхъ войскъ.

Тогда впервые во Франціи прибѣгли къ призыву добровольцевъ. Впервые заговорили о патриотизмѣ, какъ жертвѣ гражданъ для общаго отечества въ минуту крайней опасности. Молодежь всѣхъ званій горячо отозвалась на призывъ; армія увеличилась почти вдвое. Но этого было мало для отраженія враговъ. Вожди революціи, составившіе временное правительство, объявили *принудительную военную службу*; это и былъ первый случай примѣненія въ Европѣ всеобщей воинской повинности. Благодаря такой мѣрѣ Франція смогла довести свое войско до 1 милліона; она не только отразила нападенія самодержавныхъ правительствъ, но и взяла верхъ надъ половиной Европы.

Въ 1793 г. когда объявлялась всеобщая воинская повинность, положеніе Франціи было отчаянное; да и мѣра была отчаянная, и многимъ казалось, что средство борьбы съ опасностью хуже самой опасности. Какъ можно дать всѣмъ гражданамъ въ руки оружіе? а если они примѣнятъ его другъ противъ друга? Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ и случилось. Крестьяне западной Франціи, далекой отъ нападенія непріятеля, не захотѣли идти въ военную службу: изъ нежеланія жертвовать жизнью въ защитѣ своихъ согражданъ, они готовы были лучше отдать свою жизнь въ междоусобіи съ ними. Поэтому деревни области Вандеи пошли противъ республики подъ предводительствомъ дворянъ и священниковъ, которне въ свою очередь завели въѣднническія

сношенія съ вѣшнимъ врагомъ. Не мало труда стоило подавить вандейское возстаніе.

Нелегко было вводить всеобщую воинскую повинность и въ другихъ странахъ Европы. Пруссіи пришлось послѣдовать примѣру Франціи лѣтъ 20 спустя послѣ того, какъ французская республика объявила принудительную военную службу всего народа. Обстоятельства дѣла были такия:

Наполеонъ I разгромилъ Пруссію, отнялъ у нея половину владѣній и заставилъ её вдобавокъ служить сабѣ: между прочимъ Пруссія должна была поставить вспомогательные отряды къ большому походу на Россію 1812 г. Когда Наполеонъ потерпѣлъ неудачу, и преслѣдовавшія его русскія войска вступили въ Пруссію, для правительства прусскаго не оставалось другого выхода, какъ присоединиться къ врагамъ Наполеона. Но страшный французскій императоръ уже вновь собралъ силы, и опять у него было больше войска, чѣмъ могла бы выставить Пруссія по своему старому способу вербовки наемниковъ. Пришлось повторить опытъ врага, заимствовать у него всеобщую воинскую повинность. За это дѣло взялись прусскіе дворяне-помѣщики, грубые, непривлекательные люди, но—надо имъ отдать справедливость—очень умѣлые, полныя энергіи и сметки. Они стали забирать въ ополченіе крестьянъ, только что освобожденныхъ отъ крѣпостного состоянія и очень непокойныхъ. Во многихъ мѣстахъ Пруссіи въ 1813 г. повторилось то, что произошло во французской Вандеѣ 1793 г. Призванные въ ополченіе, являясь на присягу въ церковь, громко выражали нежеланіе служить и расходились по домамъ; забранные въ отряды разбѣ-

гались по лѣсамъ, на нихъ приходилось дѣлать об-
лавы, помѣщать ихъ въ крѣпости подъ надзоръ и
охрану болѣе вѣрныхъ воинскихъ частей. Въ цѣ-
ломъ удалось собрать подъ ружье лишь половину
всего количества назначенныхъ въ ополченіе

Надо сказать однако, что составленное съ та-
кимъ трудомъ всеародное войско сражалось
очень хорошо. Прежде прусскіе крестьяне надѣя-
лись, что посторонніе завоеватели принесутъ имъ
всѣ блага и дадутъ свободу; теперь они самой
борьбой были приведены къ тому, чтобы ждать вы-
годъ отъ своихъ соотечественниковъ, съ которыми
они вмѣстѣ сражались противъ иноземнаго врага.
Способъ обороны, сначала, казалось, такой жесто-
кій, послужилъ крѣпкой спайкой для всего народа.

Въ Россіи населеніе до послѣдняго времени
лишено было всякой самостоятельности. Поэтому
народженіе патриотизма и воинственности въ рус-
скомъ народѣ началось поздне и совершается
медленно. Когда у насъ въ 1872 г. вводили все-
общую воинскую повинность, сопротивленія не
было никакого; народъ вѣдь вообще не сопротив-
лялся ни одной мѣрѣ правительства: для этого
у него не было ни охоты, ни привычки, ни орга-
низации. Послушно, т. е. не разсуждая, безъ со-
знательности пошелъ онъ на великую войну
1914 г. Но вотъ въ мартѣ 1917 г., скинувъ са-
модержавіе, русскій народъ получилъ внезапно
возможность распорядиться своей судьбой. И тутъ
оказалось, что у него *еще нѣтъ національнаго сознанія*;
части населенія, классы и области еще не спаяны
общими чувствами взаимной выгоды. Патриотизмъ
еще долженъ народиться въ мукахъ великихъ...

Въ Россіи прошелъ большой промежутокъ ме-

жду введеніемъ всеобщей воинской повинности, и настоящей пробой этого средства—болѣе 40 л. На западѣ, въ Америкѣ, во Франціи, въ Пруссіи, какъ мы видѣли, то и другое совпало: нація, нарождаясь, переживала смертельную опасность, принимала отчаянное средство и въ немъ же обрѣтала жизнь и крѣпкую внутреннюю связь. Въ Россіи устроили тяжелую повинность, прежде чѣмъ народъ самъ почувствовалъ необходимость единства. Потому можно сказать, что онъ теперь заново создаетъ себѣ всеобщее ополченіе, заново куется національное цѣлое.

VI.

Мы можем теперь отвѣтить на вопросъ, нарастаетъ ли миролюбіе въ образованномъ и трудовомъ мірѣ Европы или усиливается воинственность. Мы можемъ отвѣтить и на другой вопросъ, задаваемый современностью: несетъ ли съ собою демократія миръ или войну?

Безъ всякаго сомнѣнія, соперничества, торговли, промышленныя и земледѣльческія, возрастаютъ въ мірѣ. Увеличившееся всюду населеніе ищетъ приложенія своихъ рукъ, добывается новыхъ занятій, жаждетъ новыхъ земель. Всюду сталкиваются притязанія крупныхъ массъ, которыя заставляютъ правительства становиться на ихъ защиту.

Германія потому съ такой силой напираетъ на западъ, востокъ и югъ, что ей нужны: желѣзо и уголь Франціи и Бельгіи, хлѣбные урожаи Россіи, неразработанные края Азіатской Турціи; ей нечѣмъ въ тѣснотѣ прокормить своихъ многочисленныхъ промышленныхъ рабочихъ, свой безземельный сельскій людъ. *Имперіализмъ* германцевъ значитъ, что Германія хочетъ расширяться далеко за нынѣшніе предѣлы. Но такое расширение одного народа грозитъ многимъ другимъ въ свою очередь тѣснотой, сокращеніемъ земли или даже просто гибелью: вѣдь съ приходомъ германцевъ бельгійцамъ, полякамъ, румынамъ,

латышамъ, бѣлоруссамъ уже нѣтъ больше житья въ своей странѣ. Противъ такого неистоваго врага не существуетъ другаго средства, какъ беспощадная въ свою очередь борьба. Слѣд. войны не могутъ сейчасъ прекратиться: онѣ будутъ еще и еще свирѣпствовать среди чело-вѣчества.

Каково отношеніе къ войнѣ демократіи, само-стоятельныхъ націй? Противится-ли демократія войнѣ, несетъ-ли она съ собой миръ? Нѣтъ, и главнымъ образомъ потому нѣтъ, что рожденіе демократіи, появленіе правъ народа, развитіе народной обороны не есть что-либо постороннее войнѣ, а это и есть усиленіе воинственности на-рода. Вѣдь не даромъ введеніе всеобщей воин-ской повинности совпало почти всюду съ объ-явленіемъ народныхъ правъ. Оно стало возможно только въ демократической вѣкъ.

Появленіе демократіи въ новѣйшее время и развитіе воинственности тѣсно связаны между собою. Войны послѣдняго столѣтія выросли изъ народныхъ возстаній, изъ революцій. Онѣ слу-жатъ или продолженіемъ революціи, какъ это было во Франціи при Наполеонѣ I, или ихъ за-тѣваютъ правительства для того, чтобы преду-предить революцію, какъ это сдѣлали Виль-гельмъ II и руководили нынѣшней Германіи.

Во Франціи въ эпоху революціи 1789 года вы-ступили новые классы, которые потребовали се-бѣ земли, увеличенія заработковъ, болѣе широ-каго приложенія капитала: и торгово-промышлен-ная буржуазія, и крестьяне, и рабочіе, и люди умственного труда—всѣ хотѣли расширенія стра-ны, приобрѣтенія новыхъ богатствъ, большаго

простора для для своей дѣятельности. Поэтому войнами Наполеона I увлеклась вся нація, пережившая великій переворотъ революціи

Германія нашего времени, правда, еще не дошла до революціи. Но, можно сказать, правительство и руководящіе классы начали войну, чтобы найти своего рода трюмфовъ противъ революціи. Имъ угрожала возрастающая сила рабочихъ, составившихъ самую могущественную партію въ странѣ. Соціалисты, отъ имени рабочихъ, требовали передачи орудій производства въ руки трудящихся, или, иначе говоря, предоставленія имъ всей прибыли предпріятій. Это требованіе было, по видимости, обращено *во внутрь* къ своимъ же согражданамъ. Но лишь по видимости; по настоящему же это и было требованіе завоеваній, *внѣшняго* расширенія страны. Торгово-промышленному классу, буржуазіи соціалисты предлагали выдать все достояніе, всѣ капиталы. Однако трудность не только въ томъ, что буржуазія не могла и не можетъ уступить всего. Даже если бы она это сдѣлала, такой уступки было бы слишкомъ мало для удовлетворенія возросшихъ требованій массъ; необходимы новыя внѣшнія пріобрѣтенія. Слѣдов. соціалисты съ неизбежностью пришли къ войнѣ; они сами, можетъ быть, незамѣтно для себя, искали войны.

Въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы занять всѣхъ рабочихъ, чтобы возвысить ихъ заработки, надо увеличить ихъ сбѣтъ, завести новыя фабрики, пріобрѣсти желѣзные рудники и каменноугольные копи; затѣмъ необходимо обезпечить расширенному составу рабочихъ предметы питанія, т. е. забрать плодороднѣя области, а это между про-

чимъ устроить еще множество сельскаго населенія, которому не хватаетъ сейчасъ земли въ тѣсныхъ предѣлахъ Средней Европы. Отсюда громадная программа завоевательнаго движенія, отсюда воинственность германской демократіи.

Война, начатая германскимъ правительствомъ, *отвлекла* массы отъ внутренней борьбы, но въ то же время она послужила *выполненію ихъ желаній*. И вотъ въ этомъ смыслѣ можно сказать, что война примыкаетъ къ революціи. Поэтому-то мы и наблюдаемъ такое поразительное единство и сплоченность населенія въ современной Германіи; рознь партій ослабѣла сравнительно съ тѣмъ, что она представляла въ мирное время. Тутъ нельзя все объяснять привычкой народа къ дисциплинѣ, мастерствомъ организациі; сто лѣтъ тому назадъ у германцевъ ничего подобнаго не имѣлось, разруха была еще хуже, чѣмъ у насъ. Тутъ есть большая внутренняя движущая сила, та самая, которая вызываетъ революціи и народныя возстанія. Вотъ почему, между прочимъ, жестоко ошиблись тѣ русскіе политики, которые вѣрили въ миролюбіе германской демократіи и жаждали сближенія съ нею черезъ головы правительства.

Отсюда ясны выводъ для нашей страны. Русская демократія только въ томъ случаѣ выживетъ, если станетъ воинственной, если вооружится съ ногъ до головы, если откинетъ врага со своей территоріи. Въ свою очередь война для насъ можетъ имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, если она будетъ *народной*, какъ было народнымъ американское возстаніе, какъ была народной обороною революціонной Франціи съ 1793 г.

Вернемся еще разъ къ доводамъ интернаціоналистовъ, т. е. вѣрующихъ въ близкое общее замиреніе. Они приводятъ въ свою пользу слѣдующее. Никогда еще въ такой мѣрѣ не распространялся въ вѣумахъ социализмъ, ученіе о всеобщемъ мирѣ и братствѣ. Никогда еще не было прежде ничего похожаго на большіе международные конгрессы парламентскихъ ораторовъ и представителей рабочихъ, гдѣ принимаются единодушныя резолюціи о прекращеніи войны. Эти собранія особенно участились передъ войной; ихъ дѣятели надѣются опять собрать своихъ единомышленниковъ на такія же внушительныя демонстраціи въ пользу мира. Спрашивается, неужели всѣ горячіе протесты противъ войны не свидѣтельствуютъ о необычайной силѣ искреннѣйшихъ желаній? а столь сильныя желанія развѣ не способны привести людей къ поставленной цѣли?

Въ томъ-то и дѣло, что человекъ вѣчно ошибается относительно осуществимости своихъ желаній. Онъ забываетъ, что въ жизни вынужденъ слѣдовать тѣмъ путямъ и дѣйствіямъ, которыя не имѣ затѣяны и не имѣ налажены. Когда онъ видитъ передъ собой неминуемую войну, когда война свирѣпствуетъ, онъ ничего такъ не хочетъ, какъ ея остановки или прекращенія. Онъ готовъ вѣрить, что война возникла по волѣ какихъ-то опредѣленныхъ злонамѣренныхъ лицъ, и онъ собирается сокрушить эту волю силой своихъ противоположныхъ желаній. Онъ забываетъ при этомъ, что война — дѣло давнишнихъ соперничествъ между народами.

Нынѣшнія демократіи вступили въ наслѣдство старыхъ государствъ, которыя совершили

много захватовъ и создали много обидъ и много споровъ. Стоить только вспомнить раздѣлъ Польши между Пруссіей, Австріей и Россіей! Поправить эту несправедливость въ интересахъ польскаго народа можно не иначе, какъ войной, и притомъ только въ случаѣ рѣшительной побѣды тѣхъ силъ, которыя хотятъ искренне возстановленія Польши. Но возстановить Польшу не такъ просто. Въ ея составъ до раздѣловъ входили земли населенныя бѣлоруссами, украинцами, латышами, литовцами; входила также область, населенная германцами: это — низовье Вислы, выходя къ Балтійскому морю, выходъ, который такъ желаютъ получить поляки при возстановленіи самостоятельности польскаго государства. Отойдутъ ли всѣ эти земли къ новой Польшѣ или нѣтъ? И въ томъ, и въ другомъ случаѣ получатся новыя затрудненія, а слѣдоват. опасность новыхъ войнъ.

Другимъ примѣромъ невозможности рѣшить мирно застарѣлый, унаслѣдованный вопросъ можетъ служить Македонія, за которую ожесточенно борются болгары, сербы, и греки. Эта борьба изчалась, какъ только христіанскія народности Балканскаго полуострова освободились отъ подчиненія туркамъ. Но междоусобныя войны балканскихъ націа — ничто иное, какъ послѣдствія старинныхъ споровъ, которые происходили еще до прихода турокъ въ Европу.

Очень естественно, что демократія, при своемъ первомъ выступленіи, продолжали прежнюю политику захватовъ. Такъ, Германія, только что успѣвшая принять демократическій обликъ, т. е. ввести у себя всеобщее избирательное право, во

франко-прусской войнѣ 1870 — 71 года отняла у Франціи двѣ области, крѣпко съ ней сросшіяся, Эльзасъ и Лотарингію. Если для присоединенія Эльзаса можно было выставить хоть тѣнь оправданія въ томъ, что эльзасцы—по говору германцы, то для чисто французской Лотарингіи не имѣлось и такого основанія; это было просто насиліе и грабешъ завоевателя.

Но войны, которыя ведетъ демократія, не только остатокъ старины, не только проклятое наслѣдство. Мы видѣли, что сама демократія выдвигаетъ новыя требованія, что она стремится къ расширенію государства, а отсюда возникаетъ и новыя войны. Надо прибавить къ этому, что, при демократическомъ строѣ, народъ совершенно иначе относится къ войнѣ, чѣмъ при самодержавномъ или аристократическомъ (т. е. при господствѣ немногихъ словъ высшаго класса).

Въ старину, когда связи между отдѣльными членами народа были слабы, обыватели могли равнодушно относиться къ уходу на войну какого-нибудь отряда наемниковъ, тѣмъ болѣе, что наемники нерѣдко были люди пришлые, чужіе странѣ, которая имъ платила деньги. Иначе стало теперь, въ вѣкъ демократіи и самостоятельности націй. Какъ уклониться отъ войны народовъ рабочему, видѣвшему тканіи, или проповѣднику, объясняющему народу его права, или земледѣльцу, питающему страну хлѣбомъ? Какъ бы теперь могъ бельгійскій ученый не участвовать всей душой въ отчаянной борьбѣ за жизнь и смерть своего маленькаго народа? Какъ русскому крестьянину сибиряку не вступить за права латыша, у котораго германцы отняли землю? Какъ

въ свою очередь германскому рабочему не поддерживать своих купцовъ и военныхъ, которые добиваются сбыта произведенной германской промышленности въ странахъ Востока, въ Турціи, Аравіи, Индіи, Египтѣ?

Нельзя, немислимо уйти отъ поддержки своихъ согражданъ и единоплеменниковъ, потому что каждый изъ насъ связанъ съ ними сотнею всякаго рода узъ. Люди, принадлежащіе къ одному государству, привыкли давно сталкиваться между собою; а по мѣрѣ того, какъ націи становились самостоятельныѣе, онѣ крѣпче сплочивались въ своей внутренней жизни. Какъ бы ни были рѣшительны резолюціи, принимаемыя противъ войны, онѣ бессильны прекратить ее, потому что самыя искреннія желанія не могутъ устранить споры и соперничества.

Значить-ли это, что людямъ остается покориться тяжелой судьбѣ, воевать и воевать безъ конца? Нѣтъ выходы есть, и онѣ состоятъ въ томъ, чтобы избавиться отъ опасности войны: а это возможно для того народа, который силенъ и ни отъ кого на свѣтѣ не зависитъ.

Вспомнимъ только, какъ началась война, что сдѣлало ее возможной. Вѣдь Германія поспѣшила начать военныя дѣйствія лѣтомъ 1914 года потому, что считала своихъ противниковъ неподготовленными. И оказалась права; въ теченіе трехъ лѣтъ она пользуется перевѣсомъ потому, что противники еще не успѣли сдѣлать все то, что надо было раньше приготовить для отраженія германцевъ. Если бы эти мѣры были въ свое время приняты, если бы Англія имѣла уже всеобщую воинскую повинность, если бы Россія не

представляла разрухи отъ недостатка самодѣтельности, Германія не рѣшилась бы и поднимать войну. Все, что ей нужно въ видѣ торговыхъ и иныхъ выгодъ, она постаралась бы приобрести мирными переговорами, взаимными уступками.

Съ большою увѣренностью можно сказать, что *главная причина войны съ нами Германіи — наша слабость*, слабость во всемъ: въ промыслахъ, въ обработкѣ земли, въ пресвѣщеніи, въ умѣннѣи подчинить людей порядку, въ устройствѣ продовольственнаго и желѣзнодорожнаго дѣла и т. д. Пока всё эти отрасли труда и управленія у насъ не наладятся, Россія будетъ заманчивой находкой для завоевателя, который прежде всего беретъ то, что плохо лежитъ.

Мы уже выяснили, что успѣхи демократіи въ Европѣ связаны съ усиленіемъ воинственности. Такъ, напр., Франція со времени своей великой революціи стала гораздо воинственнѣе, чѣмъ была раньше при самодержавіи. Англія сдѣлалась особенно воинственной въ послѣднее время, когда рабочіе получили главный вѣсъ въ ея государственной жизни; только теперь, когда ея строй преобразовался въ демократическій, стало возможно введеніе всеобщей воинской повинности.

Того же самаго надо ожидать и для Россіи. Если въ ней утвердится демократія, она выдержитъ и войну, она станетъ той сильной страной, на которую никто не посмѣетъ напасть. Но у насъ пока еще нѣтъ демократіи въ видѣ живой сложившейся силы; мы видимъ передъ собой только *матеріаль для демократіи*. Этого матеріала ни въ одной странѣ міра нѣтъ въ такомъ богатствѣ и разнообразіи. Русскій народъ наиболѣе способный къ демократіи въ Старомъ свѣтѣ. Россія можетъ составить особый міръ, самъ по себѣ, вполне самостоятельный и ни отъ кого не зависимый. Россія имѣетъ всѣ данныя, чтобы стать европейской Америкой.

У нея обширныя территоріи разныхъ климатовъ и почвенныхъ условій. У нея есть возможность стеречь для обрабатывающей промышлен-

ности громаднй внутрєннй рынокъ; фабрики и заводы усиливать рабочія средства земледѣльцевъ, дадутъ имъ машины, обощьютъ ихъ, городъ подниметъ благосостояніе крестьянъ и умственнй ихъ уровень. Обратнмъ, если работа сельскаго хозяйства будетъ обращена не на вывозъ, а на внутрєння нужды, она можетъ питать возрастающія фабрики, и питать такъ, какъ нигдѣ въ мїрѣ.

Такой усиленнй внутрєннй обмѣнъ будетъ гораздо полезнѣе и для духовной жизни нашего народа. Вѣдь и крестьянамъ, и промышленникамъ придется отказаться отъ чужихъ подпорокъ; надо будетъ бросить легкій способъ увеличивать свой доходъ заграничной продажей и пополнять свои срудія заграничной покупкой; и сельскіе хозяева, и промышленники должны будутъ заняться примѣненіемъ новыхъ напряженнхъ видовъ труда. А это значитъ: усилятся предпримчивость и изобрѣтательность какъ индивидуальныхъ лицъ, такъ и общества; трудовая масса умственно разовьется и поднимется на болѣе высокой уровень жизни.

Нашъ народъ еще въ другомъ смыслѣ обладаетъ матеріаломъ для демократіи: онъ къ ней расположенъ своими нравами. У насъ очень слабы предрасудки сословій, зачатій и вѣрсисповѣданія, мы не кичимся наслѣдственной славой, а между тѣмъ узкіе взгляды подобнаго рода очень мѣшали пробиваться демократіи въ Англіи, Франціи, Германіи. Дѣятели нашей науки, нашей литературы никогда не замыкались высокоумно отъ массы народной. Нѣтъ другой страны въ

мірѣ, гдѣ бы образованные (интеллигенція) люди были такими искренними демократами, какъ у насъ.

Силъ, талантовъ, способностей у насъ достаточно для того, чтобы построить демократію. Но эти великолѣпныя данныя надо сплотить и организовать. Если намъ удастся такое торжество демократіи, прекратится и опасность войны. Мы будемъ внушать уваженіе другимъ народамъ и на насъ перестанутъ смотрѣть, какъ на расточителей, какъ на плохихъ безтолковыхъ хозяевъ, у которыхъ можно безнаказанно отнять все, что угодно.

Тогда мы дѣйствительно избавимся отъ войны.

А идеаль всеобщаго мира народовъ? Неужели онъ составляетъ чистѣйшій самообманъ, безосновательную, дѣтскую мечту? Неужели ему не суждено никогда осуществиться? Но въ такомъ случаѣ откуда же берется эта упорная вѣра? Что это за странный, неискоренимый предрассудокъ.

Нѣтъ представленіе о возможности мира народовъ не есть ни предрассудокъ, ни пустая мечта. Въ немъ надо признать вѣрное предвидѣніе грядущаго порядка жизни человечества ошибка не въ *существованіи* ожиданія, а въ увѣренности *скорого* его выполненія. Всеобщій миръ можетъ поступить, но не такъ быстро, какъ его ожидаютъ, а главное къ нему приведутъ не тѣ пути и средства, которыми надѣются его приблизить.

Тѣ, кто ждетъ немедленнаго наступленія всеобщаго мира не нынче, завтра, строятъ свои планы на возможности взаимныхъ уступокъ. Но при этомъ они забываютъ, что нѣтъ той высшей

силы, которая бы заставила борющіяся стороны сдѣлать требуемыя уступки. Предлагать же миръ и сближеніе борцамъ въ то время, когда одни побѣждаютъ, а другіе терпятъ утѣсненіе, — не справедливо и непрактично. Побѣдитель только ядовито посмѣется на предложеніе, а побѣжденному говорить о братствѣ не значитъ-ли подавать камень, когда онъ просить хлѣба?

Въ данное время демократіи воинственны и должны быть воинственными, чтобы сохранить свое существованіе. Въ данное время между нами большое неравенство, и болѣе слабыя, менѣе организованныя группы все равно не могутъ извлечь никакой пользы отъ мира. Ихъ задавать, поработать тѣ, кто болѣе предприимчивъ, болѣе сплоченъ, болѣе приготовленъ къ борьбѣ. Этимъ болѣе слабымъ группамъ надо окрѣпнуть, надо обосновать свою *независимость*. Только въ томъ случаѣ, если они достигнутъ самостоятельной силы, наступитъ моментъ для настоящаго *прочнаго интернационализма*, для установленія взаимныхъ связей, основанныхъ на признаніи мощи и достоинства каждаго изъ сочленовъ международнаго союза.

Наиболѣе трудно будетъ положеніе малыхъ націй, бельгійцевъ, сербовъ, румынъ, литовцевъ, поляковъ—что достаточно ярко показала современная война, которая обратила ихъ въ скитальцевъ или рабовъ завоевателя. Онѣ спасутся только подъ крыломъ болѣе могущественныхъ народовъ, съ которыми вступать въ дружбу. Эту благородную роль можетъ взять на себя Россія, которая и сейчасъ соединяетъ, кровь господствующей національности, еще множесто народностей

малыхъ. Но для того, чтобы стать покровительницей слабыхъ, она сама должна выдти изъ состоянія слабости; она сама должна сдѣлаться мощной, вооруженной, ни отъ кого независимой демократіей способная дать должный отпоръ отъ всяческихъ на ни посягательствъ.

